

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность и взаимодействие культур)

**РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА КАЗАХСКИЙ ВОПРОС.
БЫТ И БЫТИЕ В РАССКАЗЕ Р. ОТАРБАЕВА «БЕЛЫЕ НЕБЕСНЫЕ БАБОЧКИ»**

© 2021 М.А. Дударева, В.В. Никитина

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка № 2 Института русского языка;
заведующая отделом литературоведения и межкультурной коммуникации*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Никитина Влада Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка № 2 Института русского языка*

E-mail: erchenko5@rambler.ru

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 24.10.2021

Объектом статьи выступает казахский национальный образ мира, а именно представления о жизни и смерти казахского народа. *Предметом* является символический смысл рассказа «Белые небесные бабочки» из цикла «Гостинцы из Китая» Рахимжана Отарбаева. *Материалом* для статьи служит творческое наследие современного казахского писателя. Герменевтической реконструкции поддаются этосы жизни и смерти в рассказе. Большое внимание уделяется фольклорной и суфийской традиции в произведении, которые выразились как эксплицитно, так и имплицитно. *Методология* исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу, направленному на высвечивание фольклорной, этнографической парадигмы данного художественного текста. Уделяется большое внимание музыкальному коду в рассказе, поскольку для казахской культуры музыка является первоэлементом, из которой зарождается вселенная, мировое древо. Проводятся параллели с русским национальным космосом, в котором одним из ведущих кодов, национальных констант тоже выступает дерево, воплощающее функции мировой оси. *Результаты* исследования заключаются в выявлении культурного потенциала рассказа современного казахского писателя для дальнейшего изучения национальной топики Казахстана. Результаты работы также могут быть использованы в преподавании курсов по культуре и литературе народов России и стран СНГ, культурологии, философии.

Ключевые слова: казахская культура и литература, фольклор, суфизм, символ, феномен смерти, национальный образ мира, Г. Гачев, Р. Отарбаев

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-75-80

Введение. Всегда трудно описывать чужой национальный космос, поскольку «путешествие» в инонациональное бытие приравнивается к смерти: исследователь культуры должен абстрагироваться от своего национального Космо-Психо-Логоса, выражаясь языком Г. Д. Гачева, и погрузиться за ватерлинию Другого. Но, по замечанию ученого, это всегда дело «не благодатное» и апофатичное, так как исследователь рискует раствориться в апейроне этого Другого: «национальный характер народа, мысли, культуры — очень хитрая и трудно уловимая материя. Ощущаешь, что он есть, но как только пытаешься его определить в слова, — он часто улечивается...» [2, с. 46]. Однако именно ученому-культурологу в силу интегративности культурологии как науки доступно через литературу, историю, культуру,

философию составить целостное представление о чужом национальном космосе. Как отмечает И. В. Кондаков, культурология «...не вполне укладывается в теоретический дискурс» и включает в себя уже такие аспекты знания, как художественность, философичность, политичность и ассоциативность [12, с. 13], что указывает на ее синкретическую природу. Но именно этот синкретический характер позволяет обратиться к разным сферам гуманитарного знания, разным формам искусства и глубинно проникнуть в национальное бытие любого народа.

История вопроса. Г.Д. Гачев, создавая теорию национальных образов мира, не только выделял дифференциальный признак в культурах, но и выявлял общие национальные константы, которые бы позволили сблизить разные Космо-Психо-

Логосы. Так, ученый описывал систему дендронимов России, Германии, Франции. Россию определял как Космос Апейрона [2, с. 213], который образован ее равнинностью, запредельностью, на что позднее обратили внимание и современные культурологи. Так, В.П. Океанский указывает на особый апофатизм русской равнины, когда пишет о географии русского ландшафта [9, с. 241]. Однако такими качествами безграничности, непостижимости наделен и степной космос Казахстана. Если в России, где преобладает горизонтальная космическая модель пространства, в пути-дороге культурному герою помогает ориентироваться дерево (береза, дуб, ракета, ива), которое выполняет функции Мировой оси (неслучайно С.А. Есенин, тонко чувствующий поэтическим ухом фольклорные предания, напишет в трактате «Ключи Марии» о великом назначении дерева: «На происхождение человека от дерева указывает и наша былина «о хоробром Егории»... Мысль об этом происхождении от дерева породила вместе с музыкой и мифический эпос» [3, с. 189–190]), то в Казахстане таким первоэлементом, творящим началом, помогающим осмыслить свое бытие и место на земле, является Музыка. Исследователь казахской культуры отмечает: «Музыка, согласно неписаным законам степного бытия, включалась в те моменты жизни каждого человека, когда рождался или распадался микрокосмос, и необходимо было вновь воссоздать разрушенную или утраченную гармонию» [1, с. 26]. Таким образом, культурные «априори», врожденные Бытием каждому народу, в данном случае русскому и казахскому, с одной стороны, схожи в аспекте топографии пространства, с другой стороны, космос России, преимущественно горизонтальный (описание степи в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, модель открытого пространства в повести «Степь» А.П. Чехова, южные степи в «Железном потоке» А. Серафимовича, равнинность лирики С.А. Есенина), связан с Мировым деревом, образован из него, но русский путник идет от Древа дальше (направление «иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что»), а космологические представления казахского народа связаны с Музыкой, которая породила это Мировое дерево, и именно посредством Музыки происходит «собрание» космоса воедино, происходит обратный нашему космогонический процесс: «...именно музыка, дарованная Тенгри Коркуту,

порождая древо, становится центром ритуального утверждения порядка в этом мире» [1, с. 22].

Методы исследования. Размышления о национальном образе мира русского и казахского народов в их сопоставительном ключе могут быть продуктивными и при онтогерменевтическом анализе художественного космоса двух культур, поскольку и у нас, и в Казахстане литература тесно связана с фольклорной традицией и мифологическими представлениями о мире. Конечно, характер этой связи разный, всегда возникает вопрос о формах фольклоризма (исследователи давно поставили вопрос о вторичных и латентных формах [8, с. 280–281]). Но погружение в культурологическую поэтику обязывает исследователя учитывать этот факт совершающейся культурной вертикальной трансмиссии. Обращаясь к творческому наследию современного казахского писателя Рахимжана Отарбаева, известного в России по переводам его произведений, опубликованных в толстых литературных журналах [«Юность» (2016), «Роман-газета» (2017)], мы должны применять метод онтогерменевтического анализа, нацеленного на выявление национальных «априори» в его творчестве, поскольку Отарбаев принадлежит к тому типу писателей, которые тесно духовно связаны с историей и даже историософией своего народа. В России писатель стал широко известен именно благодаря публикации своей повести «Плач Чингисхана» в журнале «Юность». Но данная статья посвящена другому известному циклу писателя — «Гостинцы из Китая», переведенному на несколько языков мира, и центральному произведению из него — рассказу «Белые небесные бабочки».

Результаты исследования. Фабула рассказа чрезвычайно понятна и проста, с житейской точки зрения: двое влюбленных, Даурен, торговец брюками на базаре, и Алима, продающая дешевую воду на том же базаре, не могут быть вместе, поскольку каждый проживает тяжёлую бедную жизнь и выбирает каждый для себя приемлемые условия существования. Юноша предает возлюбленную и женится под давлением старших на дочери хозяина базара, что оборачивается трагедией для всех, а именно смертью Алимы. Этот рассказ, с одной стороны, — о трудном быте и нравах казахского народа, с другой стороны, он о нравственном выборе человека, о духовной стороне жизни, о которой забывают люди в сутолоке

дней. Но есть то вечное, что зовет человека, апофатически проявляется в дольней жизни и напоминает о себе через некоторые детали и символы. Апофатику здесь понимаем, вслед за философом-танатологом К. Г. Исуповым, как свойство бытия, как нечто непостижимое, сакральное, которое подготавливает человека уже в дольном мире к встрече с Другим: «вне-мирской смысл сакральной Встречи «накапливается» в дольном пространстве освящаемого бытия» [4, с. 558-559]. В таком онтологическом контексте произведения оказывается семантически заряженным образ-символ белых бабочек — это души предков, к которым присоединяется и девушка Алима, и в результате трагедии главный герой Даурен. Бабочка как посредник между миром живых и мертвых, ее трудно поймать, но она символ красоты мира, недостижимости и невидимости, бабочка появляется в поворотные пороговые моменты жизни Даурена: «Стайка белых бабочек, похожих на цветы весенней яблони, порхает и порхает между Дауреном и светлым видением, пришедшим из другого мира. В глазах зарябило, как будто и они покрылись яблоневыми цветами» [10, с. 740]. Путь героя — путь страдающей, растущей души, путь бабочки.

Как сладко передал безупречный Фирдоуси,
Да благословит его чистое место упокоения,
Не тревожьте муравья, тащащего семя,
Потому что у него жизнь и сладкая жизнь. [10, с.730]

В семантике имени Даурен сокрыто онтологическое состояние героя, оно также является амбивалентным: молодой человек, с одной стороны, постоянно думает о будущем, ищет лучшей жизни, продавая брюки на базаре, заботясь о своем пяточке и о том, как бы его не лишили заработка: «Даурен, о ком зашла речь, торговал брюками на огромном базаре большого города. Огромном базаре, но на маленьком пяточке, куда еле-еле вместился бы таз худенькой торговли помидорами. Раскладывал стопками, вызывая рябь в глазах, белые, синие, черные штаны...» [10, с.731]. С другой стороны, он пребывает в состоянии вечности, сливается с ней, терзаемый неутолимой жаждой (любви), когда встречает прекрасную Алиму, подающую воду: «Тут торговали даже душами, и он по своей воле никогда не вступил бы в эту трясиину... Но здесь была Алима. Та самая девушка, продающая воду у входа на базар, между бровями которой

Какова генеалогия этого образ в рассказе Отарбаева? Изучая ранний казахский фольклор, обнаруживаем одноименный кюй «Көбелек», из которого впоследствии вырос танец, его поставили в 1959 г., и он вошел в репертуар Казахской государственной филармонии им. Жамбыла [5, с. 28]. Но, возможно, Рахимжан Отарбаев, хорошо знавший народный фольклор, будучи профессиональным филологом, это состояние народного танца перенес в метафору «путь бабочки», «кружение / порхание бабочки». Бабочки появляются во сне Даурена в самом начале рассказа: «Снова гоняясь за белыми бабочками, обессилев, иссушив зёв, он проснулся» [10, с. 730]. И этот образ связан лейтмотивно с символом воды, которой постоянно не достает главному герою: «...Пропавшая-появляясь, возникающая-исчезая, шёл он долго. По направлению к базару. И ежедневно так. Жажда, неутолимая жажда не даёт покоя...» [10, с. 736]. Кроме того, интересна и неслучайна отсылка, предваряющая повествование, к мысли Фирдоуси о труде муравья, его терпении, которое приносит сладкую жизнь, на что еще обратил поэтическое внимание Саади, другой суфийский классик:

ровно посередине прячется родинка величиною с просыное зернышко. Да, да, она! Всякий раз, продав брюки, пил ее воду по несколько стаканов кряду» [10, с.732]. Ситуация носит архетипический характер — вода вкусная (для молодого человека, потенциального жениха), утоляющая жажду, когда герой влюблен, любит этот мир и доволен малым, хотя для других она желтая и не годная к употреблению (так ее характеризует Сыргалы, дочь хозяина базара).

Вода в казахском фольклоре связана с жизнью и смертью, она может даровать бессмертие. Вспомним казахскую сказку об Искандере и воде бессмертия, которой герой не смог испытать, поскольку, хоть и завоевал весь мир, но не победил людских пороков [6, с. 157]. Но эта казахская сказка свободна от нравоучений, «упреков Искандеру в жадности и ненасытности» [6, с. 157], читатель сам делает вывод. Так и Рахимжан Отарбаев не осуждает героя, а тонко подводит читателя к осмыслению нравственного выбора Даурена, с

одной стороны, предавшего любимую Алим, ожидавшую от него ребенка, с другой стороны, женившегося на богатой дочери хозяина базара для материального достатка своей семьи, старой матери.

Символика воды тесно связана со звуковым музыкальным кодом в рассказе — звонко смеется Алима, когда к ней приходит за водой Даурен. Смех девушки уподобляется звону, который пробуждает в душе героя любовь: «Раздался звонкий смех. Не просто смех, а звон разбитой стеклянной посуды, наполнивший собою воздух. С тех пор стал искать не воду, а этот звон, радующий его слух. Звон! — вот и сейчас, невидимый глазу, он разбрызгался в воздухе» [10, с.732]. В суфийских религиозных воззрениях, в значительной мере повлиявших на казахскую культуру, большое внимание уделяется звуку, музыке: «музыка становится «подходящей для душ» и способна оказать на них влияние в силу ее соответствия тому, что уже есть в душе» [13, с. 68]. Душа Даурена уже находилась в ожидании любви, герой испытывал постоянную жажду, что лейтмотивом звучит в каждой части рассказа. Даурен слышит после встречи с Алимой этот чудесный звон, который заставляет его жить, но после своего предательства герой перестает быть приобщенным к музыке сфер и поэтому его бытие стремится к смерти: «Улыбнулась, но стеклянная посуда не разбилась. Окружила себя невидимой глазу грустью» [10, с. 737]. Суфийский философ Хазрат Инайят Хан отмечает: «Знающий тайну звука знает тайну всей вселенной. Звук абстрактного всегда продолжается внутри, вокруг и около человека. Как правило, человек его не слышит потому, что его сознание полностью сосредоточено на материальном существовании» [14, с. 342].

«Художественное мышление народа переплетается с его этическими представлениями, облекая этические воззрения людей в конкретно-чувственные образы, слитые воедино с такими идеалами, как честь, доблесть, благородство, доброта» [7, с. 255], отмечает исследователь культуры казахского народного танца. Так и в рассказе с символическим заглавием «Белые небесные бабочки» переплетаются быт и бытие, где последнее проявляется через символы, тайные знаки,

посланные Аллахом герою на пути его тариката. Задача Рахимжана Отарбаева как художника состоит в том, чтобы подвести читателя к нравственному выбору, а не к осуждению. Путь / танец белой бабочки — путь души человека в царстве двух миров. С бабочек, которые как бы вообще не имеют прямого отношения к повествованию, начинается рассказ и этим образом-символом заканчивается. Именно порхающих над головой белых бабочек снова видит Даурен, когда сидит молча на месте Алим, продающей когда-то на базаре воду: «Молчаливое сиденье превратилось в привычку, стало его каждодневным делом. Завтра он вновь придет сюда. Белые бабочки... Порхающие белые бабочки...» [10, с. 740]. В Коране есть указания на пост молчания (обет молчания Марьям), сберегающий человека от лишних бездумных слов и действий, за которые придется отвечать в судный день перед Аллахом. Рассказ композиционно завершен (фабульно), но судьба Даурена не заканчивается на этом, поскольку герой, как мы можем предположить, начнет жить новой жизнью, не по лжи, в противном случае его ожидает смерть. Стоит отметить, что такие сюжетные решения — характерная черта художественного мира Отарбаева (см. рассказ этого же цикла «Отвергнутый мир» [11]), где быт и бытие тесно связаны, жизнь и смерть идут рука об руку, а герой сам должен сделать нравственный выбор в поворотный момент жизни.

Выводы. Погружение в национальный космос Казахстана через литературу, а именно произведения современного писателя Рахимжана Отарбаева, продуктивно в культурологическом отношении сопоставления разных национальных образов мира, в нашем случае — русского Космо-Психо-Логоса и казахского. Проза современного писателя глубоко символична, инспирирована национальной фольклорной традицией, наполнена суфийской символикой, которая создает в рассказе «Белые небесные бабочки» онтологический план. Выходы в символическое пространство осуществляются с помощью образа-символа белых бабочек, мотива воды и неутоленной жажды, звука (стеклянный смех девушки), связанного с музыкой сфер.

1. Аязбекова, С. Ш. Культурфилософский анализ музыки в картине мира казахов: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. — Алматы, 1999. — 53 с.

2. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. – 544 с.
3. Есенин, С. А. Ключи Марии // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Наука; Голос, 1997. – Т. 5. – С. 186 – 213.
4. Исупов, К. Г. Апофатика М. М. Бахтина // Исупов К. Г. Русская философская культура. – СПб.: Университетская книга, 2010. – С. 557–567.
5. Калиева, Г. Д. Тенденции развития народного танцевального искусства Казахстана в современных условиях: выпускная квалификационная работа. – Челябинск, 2017. – 62 с.
6. Костюхин, Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972. – 190 с.
7. Кульбекова, А. К. Содержательные аспекты казахского народного танца // Вестник МГУКИ. – 2008. – № 2. – С. 253–257.
8. Налепин, А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX – XX столетиях. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 504 с.
9. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. – Иваново: ШГПУ, 2010. – 358 с.
10. Отарбаев, Р. Белые небесные бабочки // Антология современной казахской прозы (Национальное бюро переводов). – М.: Изд.-во «Московский университет». – 2019. – С. 729–740.
11. Отарбаев, Р. Отвергнутый мир // Юность. – 2019. – № 2. С. 52–56.
12. Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И. В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – 751 с.
13. Федорова, Е. С. Музыка в суфийской ритуальной практике // Исламоведение. – 2014. – № 3. – С. 65–71.
14. Хазрат Инайят Хан Мистицизм звука. – М.: Сфера, 1997. – 336 с.

**RUSSIAN OPINION ON THE KAZAKH ISSUE.
WAY OF LIFE AND EXISTENCE IN THE STORY «WHITE CELESTIAL BUTTERFLIES»
BY R. OTARBAYEV**

© 2021 M.A. Dudareva, V.V. Nikitina
*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru*
*Vlada V. Nikitina, PhD in Philology, docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language
E-mail: erchenko5@rambler.ru*
Peoples' friendship University of Russia
Moscow, Russia

The research object is the Kazakh national image of the world, namely the Kazakh people's idea of the life and death. *The research subject* is the symbolic meaning of the story "White Celestial Butterflies" from the cycle "Gifts from China" by Rakhimzhan Otarbayev. *The research material* is the artistic legacy of the modern Kazakh writer. The ethos of life and death in the story are hermeneutically reconstructed. Much attention is paid to the folklore and Sufi traditions in the literary work, which were expressed both explicitly and implicitly. *The research methodology* is reduced to a holistic ont-hermeneutic analysis aimed at highlighting the folklore, ethnographic paradigm of the literary text. Much attention is paid to the musical code in the story, since in Kazakh culture, music is the primary element from which the universe, the world tree emerges. Parallels are drawn with the Russian national space, in which one of the leading codes, national constants is also a tree embodying the functions of the world axis. *The research results* are in identifying the cultural potential of the story by the modern Kazakh writer for further research on the national topic of Kazakhstan. The results can also be used in training courses on the culture and literature of the peoples of Russia and the CIS countries, culturology, philosophy.

Keywords: Kazakh culture and literature, folklore, Sufism, symbol, the phenomenon of death, national image of the world, G. Gachev, Rakhimzhan Otarbayev

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-75-80

1. Ajazbekova, S. Sh. Kul'turfilosofskij analiz muzyki v kartine mira kazahov: avtoref. dis. ... d-ra. filos. Nauk (Cultural-philosophical analysis of music in the picture of the world of Kazakhs). – Almaty, 1999. – 53 s.
2. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira (Mentality of the peoples of the world). М.: Алгоритм; Jeksmo, 2008. – 544 s.
3. Esenin, S. A. Kljuchi Marii (Keys of Mary) // Sobr. soch.: v 7 t. – М.: Nauka; Golos, 1997. – Т. 5. – С. 186 – 213.

4. Isupov, K. G. Apofatika M. M. Bahtina (Apofatika by M. M. Bakhtin) // Isupov K. G. Russkaja filosofskaja kul'tura. – SPb.: Universitetskaja kniga, 2010. – S. 557–567.
5. Kalieva, G. D. Tendencii razvitija narodnogo tanceval'nogo iskusstva Kazahstana v sovremennyh uslovijah: vypusknaja kvalifikacionnaja rabota (Trends in the development of folk dance art of Kazakhstan in modern conditions). – Cheljabinsk, 2017. – 62 s.
6. Kostjuhin, E. A. Aleksandr Makedonskij v literaturnoj i fol'klornoj tradicii (Alexander the Great in the literary and folklore tradition). – M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izd-va «Nauka», 1972. – 190 s.
7. Kul'bekova, A. K. Soderzhatel'nye aspekty kazahskogo narodnogo tanca (Substantial aspects of the Kazakh folk dance) // Vestnik MGUKI. – 2008. – № 2. – S. 253–257.
8. Nalepin, A. L. Dva veka russkogo fol'klora: Opyt i sravnitel'noe osveshhenie podhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX – XX stoletijah (Two centuries of Russian folklore: Experience and comparative coverage of approaches in the folklore studies of Russia, Great Britain and the United States in the 19th - 20th centuries). M.: IMLI RAN, 2009.
9. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and totality: the poetics of space and its crisis). – Ivanovo: ShGPU, 2010. – 358 s.
10. Otarbaev, R. Belye nebesnye babochki (White celestial butterflies) // Antologija sovremennoj kazahskoj prozy (National'noe bjuro perevodov). – M.: Izd.-vo «Moskovskij universitet». – 2019. – S. 729–740.
11. Otarbaev, R. Otvergnutyj mir (The rejected world) // Junost'. – 2019. – № 2. S. 52–56.
12. Sovremennye transformacii rossijskoj kul'tury (Modern transformations of Russian culture) / Nauch. sovet RAN «Istorija mirovoj kul'tury»; otv. red. I. V. Kondakov. – M.: Nauka, 2005. – 751 s.
13. Fedorova, E. S. Muzyka v sufijskoj ritual'noj praktike (Music in Sufi ritual practice) // Islamovedenie. – 2014. – № 3. – S. 65–71.
14. Hazrat Inajjat Han Misticizm zvuka (Mysticism of sound). – M.: Sfera, 1997. – 336 s.